

МЕСЯЦ В ИНДИИ

Наша командировка в Индию, длившаяся месяц, с 15 сентября по 14 октября 1964 г., осуществлялась по плану культурного обмена между нашими странами. Мы были приглашены Министерством просвещения Индийской Республики и Антропологической службой Индии¹ для ознакомления с исследовательской и учебной работой в области этнографии и антропологии. В программу нашего пребывания в Индии, разработанную индийской стороной, входило: посещение научно-исследовательских, учебных и других учреждений, личное знакомство с индийскими учеными, а также специальные выезды на места полевых работ индийских антропологов. По нашей просьбе в программу были включены и антропологические измерения у некоторых народов. В свою очередь, по просьбе индийских коллег, мы многократно выступали с сообщениями о теоретических и практических исследованиях советских ученых.

Маршрут по стране включал большие и малые города, где были интересующие нас научные учреждения, а также деревни, расположенные преимущественно в районах расселения малых народов. Прежде всего мы отправились в поездку по Южной Индии: из Дели в Мадрас, затем через Бангалор и Майсор в Утакаманд, и через Коимбатор снова в Мадрас. Из Мадраса прилетели в Калькутту. Отсюда сделали несколько выездов: в Гаухати и Шиллонг в Ассаме, в Ранчи, Нетерхат и их окрестности на плато Чхота Нагпур и, наконец, в Лакнау, а оттуда в Дели. Из Дели мы выезжали сначала в Агру и Джайпур и затем в Нагпур и Чхидвару на Центральноиндийском нагорье. В поездках по стране нас сопровождал научный сотрудник Антропологической службы П. Гупта, бывший для нас постоянным консультантом.

Исследовательская и учебная работа по антропологии и этнографии в Индии сосредоточена в различных учреждениях, среди которых в первую очередь должны быть названы учреждения Министерства просвещения. Это министерство ведает не только всем народным образованием, но и наукой и культурой, так как специальной организации типа Академии наук в Индии нет. В состав Министерства просвещения входит Антропологическая служба (Anthropological Survey of India) с центром в Калькутте, которому подчинены «антропологические станции» — Южноиндийская в Майсоре, Центральноиндийская в Нагпуре, Ассамская в Шиллонге и Андаманская в Порт-Блере, на Южном Андамане. Мы посетили все эти станции, за исключением последней.

В план работы Антропологической службы входит систематическое антропологическое и этнографическое изучение всех национальных меньшинств Индии, их расового состава, физического типа, этнической истории, хозяйства, общественного строя, материальной и духовной культуры. Особое внимание уделяется изучению тех особенностей хозяйства, культуры и быта, которые являются наиболее перспективными для поднятия уровня жизни отсталых народов страны. Индийские антропологи и этнографы ведут исследовательскую работу преимущественно среди тех национальных меньшинств, которые в Индии обозначаются чаще всего очень условным термином «зарегистрированные племена» (Scheduled Tribes), полученным в наследство от времен господства английских колонизаторов. Индийские ученые занимаются в первую очередь этими «племенами», потому что вся антропологическая и этнографическая работа в республике подчинена практическим задачам здравоохранения, экономического и культурного развития наиболее отсталых народов. Для изучения более крупных народов, достигших высокого уровня развития, у индийских ученых, по их собственному признанию, пока еще не хватает квалифицированных кадров и средств.

Штат Антропологической службы в Калькутте включает более 30 человек — старших антропологов, ассистентов-антропологов, технических ассистентов, лаборантов, художников, фотографов, реставраторов и служителей. Антропологическая служба располагает хорошо оборудованными лабораториями, в том числе специальными лабораториями по изучению групп и особенностей крови, большой, прекрасно укомплектованной библиотекой, фото-кинолабораторией и реставрационно-муляжной мастерской.

Штаты антропологических станций составляют обычно 10—20 человек. Среди них имеются антропологи, этнографы, лингвисты, на некоторых станциях и экономисты, а также различные подсобные работники.

Работа по изучению племен ведется также в специальных исследовательских институтах Министерства просвещения. Мы посетили два таких института: в Ранчи и в Чхидваре. Основная задача этих институтов состоит во всестороннем изучении численности, расселения, расового состава, хозяйства, общественного строя, культуры и быта малых народов. В институтах ведется подготовка и повышение квалификации практических работников разных направлений, живущих в «племенных» деревнях.

При институтах созданы хорошо оборудованные лаборатории, крупные библиотеки и богатые музеи. Так, гордостью института в Чхидваре является его музей. В од-

¹ В Индии, как и в некоторых западных странах, антропологией называют не только физическую антропологию, но и этнографию, именуя ее культурной и социальной антропологией.

ной из комнат музея сосредоточены карты, картограммы, диаграммы и таблицы, дающие наглядное представление о численности и расселении народов штата Мадхья Прадеш, их антропологическом составе, хозяйстве, общественном строе, культуре, религии, искусстве. Специальная таблица посвящена хозяйственно-культурному влиянию на жизнь племен новых индустриальных центров, в том числе комбината в Бхилаи. Сад, окружающий здание института, является как бы непосредственным продолжением музея на открытом воздухе. Здесь на танцевальной площадке в дни народных праздников устраиваются танцы гондов. На ограде сада экспонированы образцы живописи различных племен, а между дорожками — макеты жилищ, образцы народного зодчества и скульптуры.

К институтам по изучению «племен» Министерства просвещения близки по своим целям так называемые Центры ориентации и изучения племен (Tribal Orientation and Study Centre), подчиненные Министерству общинного развития (Ministry of Community Development), в задачу которого входит руководство социально-экономическим и культурным развитием народов Индии. В ведении этого министерства находится Национальный институт общинного развития в Хайдерабаде, объединяющий 14 «центров» ориентации и изучения сельских общин. 10 из них занимаются изучением общин крупных народов Индии, а остальные ведают специально «племенными» общинами. К последним относится центр ориентации и изучения племен в Ранчи, с работой которого мы познакомимся. Эти центры разрабатывают проекты социально-экономического и культурного развития «племенных» сельских общин, а также повышают квалификацию различных специалистов, работающих в этих общинах.

Работу по практическому внедрению рекомендаций, разрабатываемых центрами по изучению племен, осуществляют Блоки общинного развития (Community Development Block). Эти блоки рассеяны по всей Индии, как в районах расселения национальных меньшинств, так и в районах, где живут крупные народы. Блоки большей частью занимают группу зданий в каком-либо крупном сельском населенном пункте. В состав блоков входят агротехнические консультации, специальные группы по изучению и развитию местных художественных ремесел, сбытовые, а иногда и первично-производственные кооперативы, медпункты и амбулатории, пункты по ликвидации неграмотности среди взрослых, детские сады и начальные школы, кино- и радиоцентры. В работе этих блоков особенно ярко проявляется практическое направление деятельности индийских этнографов и антропологов.

Учебная работа по антропологии и этнографии сосредоточена в университетах, в так называемых антропологических департаментах. Число студентов в этих департаментах сильно колеблется: в Мадрасе, например, только два старших студента, а в Дели, Калькутте и Лакнау по 40—50 человек, причем 40—50% составляют девушки. Профессорско-преподавательский состав включает, как правило, представителей различных отраслей антропологической и этнографической наук. Читаемые курсы очень разнообразны: они включают антропологию и этнографию народов мира и Индии, социологию, специальные курсы по истории искусств и религии (главным образом индуизма), по языкознанию. Все студенты проходят практику, участвуя в экспедиционных работах антропологических департаментов, антропологических станций, исследовательских институтов по изучению племен, центров ориентации. В некоторых университетах, где нет отдельных антропологических департаментов, например, в Нагпуре, курсы по этнографии читают в департаментах социологии.

Характеристика антропологических и этнографических исследований в Индии будет неполной, если мы не коснемся деятельности Центрального статистического управления или «Генерального регистра» Индийской Республики, входящего в систему Министерства внутренних дел. Основная задача этого учреждения — организация всеобщих переписей населения, а также обработка, анализ и публикация их результатов. На практике, однако, деятельность Генерального регистра оказывается более широкой, так как при проведении переписей собираются не только чисто демографические, но и этнографические данные, в частности, сведения о занятиях городского и сельского населения, жилищах, пище, утвари, одежде, семейных и общинных отношениях, обычаях, обрядах, праздниках, религии и народном искусстве. К работе по проведению переписи 1961 г. было привлечено более 40 тысяч человек. В настоящее время по всей Индии в Генеральном регистре работает около двух тыс. человек, среди которых имеются статистики-демографы, географы, экономисты, картографы, антропологи, врачи, лингвисты, искусствоведы. Размах полевой, лабораторно-исследовательской и издательской работы Генерального регистра огромен. Общее количество томов, которые должны быть опубликованы в связи с переписью 1961 г., равно 1476. Сюда входят монографии, посвященные отдельным деревням, региональные обзоры различных преимущественно художественных, ремесел, описания обрядов и праздников разных народов, специальные монографии о городах с населением свыше одного миллиона человек и др. Специально для нас была организована выставка работ этого учреждения по картографии, изучению промыслов и ремесел «зарегистрированных племен и каст», языков и диалектов Индии.

Работа по сбору антропологических и этнографических материалов ведется в Индии многочисленными музеями. Индийский музей в Калькутте, кроме других ценных экспонатов по антропологии и этнографии, имеет подлинники костных остатков ископаемых человекообразных обезьян из Сиваликских холмов (дриопитека, рамапитека, сивапитека и др.); Археологический музей при Калькуттском университете обладает, помимо чисто археологических и искусствоведческих коллекций, многими этнографическими экспонатами, преимущественно по Бенгалу.

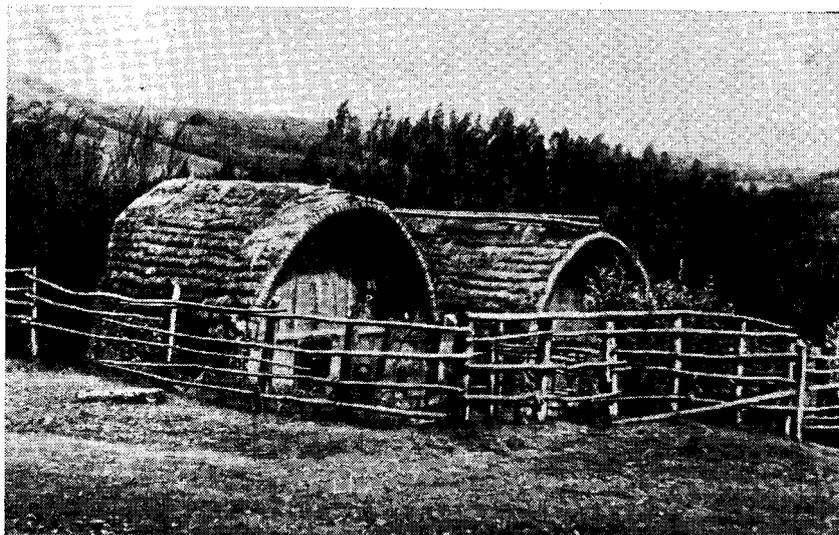

Рис. 1. Жилые постройки тода

Экспозиции Национального музея в Дели охватывают все виды культуры и искусства народов Индийской Республики, иллюстрируют антропологический состав и этнографические особенности населения (например, здесь представлены костюмы всех главных народов Индии), знакомят с костными и культурными находками из Хараппы и Мохенджо-Даро. В музеях есть иллюстрированные путеводители и книги, содержащие подробные сведения об истории музея и описания его коллекций.

По приглашению индийских коллег мы побывали у племен и народов, составляющих главный объект их исследований. Мы посетили два поселка тода. Физический облик, язык, занятия, жилище, одежда и весь образ жизни этого небольшого народа (700—800 чел.), живущего в горах Нильгири в Южной Индии, настолько своеобразны, что привлекают внимание этнографов всего мира.

Тода живут небольшими хуторами, состоящими из 1—2 или нескольких хижин бочкообразной формы. Они оседлые скотоводы, разводящие буйволов и занимающиеся преимущественно молочным хозяйством.

Нашим гидом была Ивам Пильджин, врач по образованию, сама принадлежащая к этому народу. С ее помощью мы узнали много нового о жизни тода. Самым важным для нас были факты несомненного культурного развития этого народа, который в западной литературе все еще называется примитивным. Среди тода, хоть и медленно, но растет число грамотных (на языке тамили). Появились первые тода со средним и даже с высшим образованием.

Посетили мы и деревню другого племени — кота. Кота — оседлые земледельцы. У них развиты некоторые ремесла, особенно кузнечное дело и гончарство. Как и у тода, в деревне кота нас встретили очень радушно и охотно показывали свои жилища, продукты земледелия и несложный сельскохозяйственный инвентарь. У кота нам удалось наблюдать похоронный обряд, в котором участвовала вся деревня и группа представителей соседнего племени бадага.

Особый интерес представляла для нас поездка в Ассам к народу кхаси, населяющему окрестности города Шиллонга и соседние горы Кхаси и Джайнтия. Кхаси, издавна живущие в окружении ассамцев, бенгальцев и народов тибето-бирманской группы, представляют своеобразный этнический остров, как и тода в Южной Индии. Их язык — яркий представитель мон-кхмерской языковой семьи на территории Индии. Появление его здесь составляет загадку для ученых. Необычайно интересна и со-

циальная организация этого народа. В ней сохранились и преобладают матриликальные браки и поселения, матрилинейный счет родства и наследование.

В деревне Мауфлонг, в 25 км от Шиллонга, нас торжественно встретили деревенские старейшины кхаси. Прием состоялся под открытым небом, на высоком холме, с которого открывался живописный вид на страну кхаси. С первых же минут нас поразило радушие и непосредственность деревенского населения по отношению к представителям далекой северной страны.

После приветственных речей мы рассказали собравшимся о жизни народов Советского Союза и ответили на ряд вопросов. Наших слушателей порадовало сообщение о том, что история и этнография кхаси изучаются в нашей стране и что о них написан ряд научных работ.

О лингвистическом и этнографическом своеобразии кхаси мы знали и раньше, но в результате непосредственного общения с народом нам пришлось внести некоторые существенные поправки в наши представления о них, основанные на исследованиях западных ученых, которые, уделяя основное внимание только этнографическим особенностям, собирая и публикуя материалы по древним традициям и обычаям, арханизировали общество кхаси, представляли их как племенную общность. В действительности кхаси представляют собой давно сложившуюся народность, правда, с весьма своеобразной культурой и социальной организацией. Собственно племенная организация у них давно исчезла, хотя пережиточно сохраняются материнско-родовые подразделения. Хозяйство их мало отличается от хозяйства соседнего ассамского и бенгальского населения. Общий уровень культуры едва ли ниже, чем у бенгальцев. Большинство окончивших среднюю школу знают английский язык. В одной из деревень мы посетили школу кхаси, где обучение ведется на родном языке, причем мальчики и девочки учатся совместно. Среди преподавателей много женщин.

Посещая другие деревни так называемых «зарегистрированных племен» в разных частях страны, мы убедились, что в большинстве случаев это уже не племена, что племенная организация исчезает, а родовые связи претерпевают значительные изменения под влиянием капиталистической экономики и соответствующих общественных отношений. Это были преимущественно сельские общины с более или менее ярко выраженным социальным расслоением населения.

Горное плато Чхота Нагпур на юге штата Бихар представляет собой как бы своеобразный заповедник «зарегистрированных племен» разной этнической принадлежности. Здесь мы побывали у таких групп мунда как собственно мунда, асуры, бирхоры, а также наблюдали жизнь ораонов, принадлежащих к дравидийской языковой семье.

Мунда составляют большинство населения деревни Анигара (около 500 человек), расположенной недалеко от промышленного центра, города Ранчи. Однако в деревне более трети населения приходится на выходцев из других народов. Они представлены разными кастами, в том числе и низшими, также именуемыми в Индии «зарегистрированными», тогда как среди мунда нет кастового деления. Хозяйство и быт жителей этой деревни не имеют различий в зависимости от их этнической принадлежности. Небольшие различия скорее объясняются имущественным положением или кастовой принадлежностью семьи. В деревне есть средняя семилетняя школа совместного обучения. Большинство учащихся составляют мунда. Преподавание ведется на языке хинди учителями-мужчинами, для которых этот язык является родным. Часть населения не считает себя мунда и говорит на чхаттисгархи, одном из диалектов хинди, очень отличающемся от литературного хинди. Некоторая часть мунда двуязычна и также знает этот диалект, но большинство у себя дома говорит на языке мундари. Таким образом, для учеников создается неравноправное положение: одни изучают в школе родной язык, на котором и говорят, или близкий к нему, а другие проходят все школьные предметы на неродном языке (в данном случае хинди), а за пределами школы и дома говорят на другом, совсем не похожем на школьный. Получается, что меньшинству в этой школе учиться легче, чем большинству. Действительно, на языке мундари нет своей письменности и школьных учебников, и потому дети мунда, как впрочем и многих других народов Индии, не имеют иного выбора и получают образование на неродном языке. В Индии это правило распространяется, к сожалению, на слишком большое число народов, включая и довольно многочисленные, насчитывающие миллионы человек.

Однако к чести индийских педагогов надо сказать, что они, в большинстве энтузиасты своего дела, успешно завоевывают доверие и уважение учеников, добиваются хороших успехов. В этой, как и в других школах Индии, ученики опрятно выглядят, носят обычно форму, очень дисциплинированы и прилежны.

Особенно торжественно и радостно встречали нас в деревнях другого народа — асуров, живущих в районе Нетархата и относящихся к группе мунда. Еще за несколько миль до деревни Джобипат на нашем пути стали попадаться деревянные арки, густо обвитые свежими ветвями лиан и цветами. Оказалось, что местные жители, извещенные о нашем намерении побывать у них, соорудили их специально для нашей встречи.

У ворот деревни нас встречали нарядно одетые жители, разряженные музыканты и группы танцующих девушек. После ритуального омовения рук водой из торжественно поднесенной на подносе лоты (сосуда), мы медленно продвигались в глубь деревни

вслед за играющими на разных инструментах музыкантами, между двумя рядами празднично одетых танцующих девушек. Так, медленно и торжественно мы дошли до поставленных для нас под навесом кресел и стола. Школьники вручили нам написанную на хинди программу концерта в нашу честь.

На площадке перед мужской начальной школой одна группа учеников проделала гимнастические упражнения, другая спела приветственную песню, после чего начались групповые женские танцы под аккомпанемент танцующих музыкантов-мужчин.

Рис. 2. Танец асуров

Среди асуров мало знающих хинди. Они говорят на своем языке и потому их дети, обучающиеся в школе на языке хинди, практически могут применять его только в разговоре с учителями. Это нам показало, как условно может быть образование на неродном языке, когда отсутствует соответствующее этническое окружение.

Раньше асуры были известны как искусные плавильщики железа. Действительно, железная руда в этих местах лежит прямо на поверхности, и для кустарной добычи ее не требовалось шахт. Однако промышленная металлургия заглушила традиционный промысел асуров и теперь в деревне Джобипат из 175 жителей им занимается всего одна семья. Основное же занятие асуров — плужное земледелие. Выращивают они, как и соседние мунда и ораоны, кукурузу, картофель и некоторые огородные культуры, держат буйволов, коров, овец, свиней и кур. Деревня Джобипат сравнительно однородна по этническому составу и в ней сохранилось больше элементов традиционной родовой организации, а также связанные с нею обычаи.

В большой деревне Джобипат или Гурдари (более 1200 жителей), где нас также торжественно встречали концертом самодеятельности, кроме асуров, живут мунда и ораоны. Здесь часть населения исповедует индуизм и, как результат деятельности местной католической миссии, христианство. Здесь есть большая смешанная средняя школа (336 учеников), руководимая католической миссией. Грамотность в этой деревне выше и язык хинди шире распространен.

Руководители школы пригласили нас на торжественное чаепитие, угостили рисовым пивом, хмельным напитком из цветов махуа, сигарами местного производства. Все это для нас было немного неожиданным и не очень согласовалось с нашими представлениями об отцах строгой католической церкви.

В деревне Джехенгатуа рядом с Бишанпуром на плато Чхота Нагпур мы имели возможность наблюдать результаты опытного поселения на землю 15 семей из племени бирхор. Бирхоры, небольшое племя из группы мунда, до сих пор занимаются охотой, собирательством и лесными промыслами. Они не имеют постоянных поселений, кочуя в зависимости от наличия в лесу дичи или съедобных растений. Живут они в небольших конических шалашах из ветвей и листьев дерева сал. Деревня Джехенгатуа построена правительством в 1956 г. Для каждой семьи был построен дом, выделены сельскохозяйственные орудия, пара буйволов, мелкий скот и 5 акров земли. Оседлые бирхоры научились выращивать рис, кукурузу и овощи. Мы видели даже небольшую плотину,

которую соорудили они в последнее время для полива полей. Многие из мужчин научились вить веревки при помощи несложного механического приспособления. Появилось даже два своих ткача.

Бирхоры нас встретили музыкой и танцами. Вероятно, по инициативе Бишанпурского блока общинного развития они устроили для нас специальную выставку продуктов своего труда, своих орудий, предметов быта и украшений. При входе в деревню был построен в натуральную величину шалаш из веток — традиционное жилище кочевых бирхоров. Здесь нам было продемонстрировано добывание огня трением.

Рис. 3. Ораоны на базаре

Мы обратили внимание, что даже у бирхоров, переведенных на оседлость, в пище преобладают не сельскохозяйственные, а дикорастущие корнеплоды, фрукты, ягоды и другие дары леса. И столь же примечательно, что выстроенные для них дома они часто используют как хлевы и кладовые, а сами живут рядом. Количество оседлых бирхоров с 1956 г. не уменьшилось, а возросло за счет естественного прироста. Но их пример не соблазнил ни одной семьи кочевых соплеменников присоединиться к ним.

При расставании бирхоры подарили нам несколько предметов со своей выставки: стрелы, сетку для ловли мелких зверей, украшения.

Кроме деревень различных племен Индии, мы познакомились с сельскими поселениями в долине Ганги и Джамны, области древнейшей индийской культуры.

В районе г. Лакнау наши коллеги из антропологического департамента местного университета показали нам небольшую деревню Деори Кала, в которой живет около 400 чел.

Здесь нет представителей каких-либо отсталых племен, и местное население, как и жители большей части штата Уттар Прадеш, не помнит, к каким племенам принадлежали его предки и не имеет какого-либо этнического самоназначения, кроме кастовых наименований. Кастовый состав населения очень пестр, что типично и для малых и для больших деревень этой части Уттар Прадеша. Некастовых групп населения здесь нет.

Жители деревни, независимо от кастовой принадлежности, занимаются преимущественно земледелием, возделывают самые разнообразные сельскохозяйственные культуры. Правда, среди них есть несколько семей сельских ремесленников, как есть они почти в каждой индийской деревне. Ведущее положение в хозяйстве деревни принадлежит 17 семьям брахманов.

В деревне нет отдельных кварталов, где жили бы члены низших каст. Они живут попеременно с остальным населением. Известным прогрессом в области общественных отношений является и тот факт, что представители низших каст участвуют в обсуждениях общедеревенских дел и входят в состав сельского панчаята (совет старост).

В этой деревне, как, впрочем, и во многих других деревнях и даже в городах, существуют большие семьи как первичная ячейка общества. Например, семьи двух-трех и более братьев живут вместе и ведут общее хозяйство. Главой, как правило, является старший брат. Все население деревни говорит на хинди.

В районе Дели мы посетили деревню Рани Кхера. Население ее состоит из нескольких каст. В деревне как по численности, так и по значению в хозяйстве преобладают джаты.

Наши наблюдения и предварительные выводы из антропологических измерений показывают, что джаты принадлежат к наиболее ярким представителям южного европеоидного антропологического типа на территории Индии. Но к этому же типу принадлежат и их односельчане из других каст.

В общине деревни сложилась особая система взаимопомощи, точнее, взаимных услуг между составляющими ее кастовыми группами — система джаджмани. В отличие от индийской традиции, даже брахманы — высшая каста Индии — занимают здесь подчиненное положение по отношению к джатам как в имущественном, так и в социальном отношениях.

Рис. 4. Танец мальчиков на ходулях у гондов

Последние несколько дней в Индии мы провели на Центральноиндийском нагорье, знакомясь с гондами, пардханами, корку и другими народами, живущими в горах Сатпуры.

В местечке Тамиа, расположенном в живописнейшей части гор Сатпуры, мы попали на концерт, устроенный учащимися социологической школы. В ней учатся дети гондов в возрасте от 14 до 17 лет. Их обучают не только общеобразовательным предметам, но также историческим и культурным традициям, преданиям и обычаям гондов. Школа находится в ведении Гондванского центра (Gondwana Centre), общественной организации по поддержанию и развитию культуры гондов.

Кроме антропологических и этнографических учреждений и учебных заведений, мы познакомимся со многими другими научными и культурно-просветительными организациями.

Из Мадраса мы выезжали в Махабалипурам для осмотра прославленных памятников средневековой скальной архитектуры. В Калькутте побывали в доме Рабиндраната Тагора, в Академии изящных искусств видели выставку его работ. В калькутском драматическом театре мы видели остросюжетную и реалистическую пьесу «Уголь» из современной жизни шахтеров, смотрели интересное выступление известного иллюзиониста Соркара.

В Лакнау нам представился случай познакомиться с работой нового палеоботанического музея и института, с экспонатами зоологического и ботанического садов, осмотреть архитектурные памятники мусульманского средневековья. Отдельные памятники, архитектурные ансамбли и целые заповедники архитектуры могольского периода видели мы в Дели, Агре и Джайпуре. С точки зрения истории культуры особый интерес представляет хорошо сохранившаяся обсерватория Джай Сингха, построенная в Джайпуре на рубеже XVII—XVIII веков.

В Дели мы посетили места кремации Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру, побывали в квартире покойного премьер-министра, которая в ближайшее время должна быть превращена в его музей.

У нас было несколько официальных встреч с государственными и общественными деятелями. В Министерстве просвещения нас принял ответственный секретарь Раджа Рам, энтузиаст антропологии и этнографии. Он познакомил нас с некоторыми материалами своих экспедиций к аборигенам Андаманских и Никобарских островов.

В Калькутте мы были представлены губернатору штата Западный Бенгал госпоже Найдю. В Ранчи нас принял в своей резиденции губернатор Бихара А. С. Айенгар. В Дели мы имели интересную беседу с вице-канцлером университета Ч. Д. Дешмукхом.

На трех проведенных нами пресс-конференциях (в Калькутте, в Нагпуре и в Дели) мы рассказывали о целях нашей командировки в Индию, о состоянии и организации этнографической и антропологической науки в СССР, о достижениях в области национального развития народов Советского Союза. Мы всегда пользовались случаем высказать наши весьма положительные впечатления об организации антропологической и этнографической науки в Индии и должным образом оценить научные и практические достижения индийских ученых в этой области. Вместе с тем мы не могли не обратить внимание индийских коллег на существующие в наших точках зрения теоретические и методологические расхождения по ряду вопросов. Так, например, индийские ученые не принимают социально-экономическую периодизацию общества; в понятие «нация» они вкладывают чисто политическое содержание, отождествляя его с понятием «государства».

Таким образом, мы имели возможность познакомиться во всей полноте с деятельностью индийских антропологических и этнографических учреждений и получили исчерпывающее представление как о научно-исследовательской теоретической работе индийских ученых, так и об их полевых исследованиях, тесно связанных с практическими задачами хозяйственного и культурного развития народов.

Следует особо отметить широкий размах этих исследований в Индии, хорошую научную и техническую оснащенность всех учреждений, высокую квалификацию индийских ученых, большое количество публикаций. Нам удалось установить непосредственные и дружеские контакты с важнейшими научными учреждениями и крупнейшими индийскими учеными.

Наши выступления и беседы с индийскими коллегами способствовали повышению интереса ко всем сторонам жизни народов нашей страны, в особенности к работам советских антропологов и этнографов. Перед нашим отъездом на родину ответственный секретарь Министерства просвещения Раджа Рам и директор Антропологической службы Индии Д. К. Сен сделали официальное предложение о дальнейшем развитии всех видов научных связей между советскими и индийскими учеными, включая организацию совместных полевых работ по антропологии и этнографии, обмен научными работниками всех уровней для чтения лекций и исследовательской работы, аспирантами и студентами для повышения квалификации. Предлагалось также начать регулярный обмен журналами и книгами по специальности и организовать публикацию работ советских ученых в индийских изданиях и работ индийских ученых — в советской печати. Огромное значение для пропаганды нашей научной методологии и конкретных достижений советской науки имела бы публикация на английском языке трудов советских антропологов и этнографов, включая сюда как переводы вышедших в СССР работ, так и подготовку изданий, рассчитанных на зарубежного читателя.

Мы приносим глубокую благодарность Министерству просвещения Индийской Республики, Антропологической службе Индии за прекрасную организацию нашей работы, а также всем учреждениям, организациям и отдельным лицам за теплый прием и дружескую помощь.

М. К. Кудрявцев, Н. Н. Чебоксаров

VI УКРАИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СЛАВИСТОВ

VI украинская конференция славистов, организованная Министерством высшего и специального среднего образования УССР, Черновицким университетом и Украинским комитетом славистов, проходила 13—18 октября 1964 г. в Черновцах. Кроме постоянной для украинских славистических конференций тематики (межславянские взаимоотношения, социальная и национально-освободительная борьба славянских народов, социалистический реализм), были рассмотрены такие проблемы, как значение Октябрьской революции для славянства, славянский фольклор и профессиональное искусство, история славяноведческой науки. Больше, чем на предшествовавших конференциях, было уделено внимания типологическим соответствиям — в языках, литературах, народном творчестве славян. Впервые широко освещались взаимоотношения славян с их неславянскими соседями: молдаванами, румынами, венграми, итальянцами, немцами, литовцами, казахами, армянами. Это отражало как рекомендации V съезда